

Лаканисты в зазеркалье, или Ловушка «отчужденного Эго»

В рамках данной статьи рассматривается вопрос, насколько попытки вписать лакановскую концепцию «стадии зеркала» в перспективу «психологии развития» соответствуют мысли самого Лакана. Одновременно высказывается предположение, что эти попытки, при всей их сомнительной аутентичности, тем не менее являются следствием самой «стадии зеркала» как некогда имевшего место события. И таким образом если не содержанием, то фактом своего существования они вписываются в лакановскую инициативу.

Ключевые слова: стадия зеркала, Эго, образ, Другой, нехватка, смерть.

Широко известны лакановские формулировки «стадии зеркала» – «предвосхищение полной моторной координации», вызванное отставанием *homo sapiens* в развитии от других особей, очаровывающий образ, отчужденное, «децентрированное» Эго и т. д. Однако не покидает ощущение, что при такой постановке вопроса возникают проблемы, вызванные не столько спецификой речи самого Лакана, местами неясной, якобы оставляющей повод для различных толкований, сколько *содержанием* его мысли. Если угодно, здесь происходит раздвоение, которое касается не только «предмета описания» – но также распространяется *на все, что может быть о нем сказано*, на сам способ мысли и речи о ней. Если хотите, сама речь о т. н. «стадии зеркала» – *раздвоена, «зеркальна»*. И там, где, казалось, всего лишь имела место попытка прояснить переход у ребенка от аутоэротического хаоса к первичному нарциссизму, имеет место полноценный онтологический парадокс.

То, до чего удается обычно дойти при попытке осмыслить «стадию зеркала», – это разглядеть в образовании человеческого

Я («Эго») определяющую, конститутивную роль Другого. Мол, Другой включен в глубинную структуру нашего Эго, мы никогда не можем от него избавиться, а потому обречены сплестись с ним в смертельном объятии, бесконечной любви-схватке. Но такая постановка вопроса достаточно политкорректна, чтобы не вызывать чересчур резкой реакции и всерьез тревожить публичное поле. В самом деле, кто же сегодня в здравом уме и твердой памяти откажется признавать «социальный», «коммуникативный», «интерсубъективный», «диалогический» (нужное подчеркнуть) и т. д. характер человеческого «Я» – хотя бы потому, что это абсолютно безопасно, не имеет никаких последствий для говорящего. Напротив, это определенный реверанс в сторону господствующей тенденции мысли, провозглашающей равноценность позиций, «децентрацию», отказ от «монополии на истину» и прочие сомнительные добродетели философского плюрализма. Однако представляется, что мысль Лакана была не столь благостной или, по крайней мере, некоторые ее последствия расходятся с этой тенденцией. С целью это выяснить мы поставим следующий вопрос.

Когда некоторые последователи Лакана (которые полагают, что имеют дело всего лишь с проблематикой «возрастной психологии», пусть несколько экзотичной и интеллектуально изощренной) заводят речь о «стадии зеркала» как некоем *этапе формирования личности*, то тем самым упускается один момент: о какой такой «формирующейся личности» идет речь – той, что отражается в зеркале (субъект, который *видит* себя в зеркале в возрасте от 6 до 18 месяцев, – назовем его для простоты «субъект № 1»), или о самом ее отражении, которое в зеркале увидено (субъект, которого *видят* в зеркале в возрасте от 6 до 18 месяцев, – «субъект № 2»)? Кто из них *развивается, формируется* (что бы это ни значило)?

«Что за вопрос? – скажут нам адепты возрастной психологии, объединенные под знаменем лаканизма, – конечно, речь идет о том, кто отражается в зеркале, а не об отражении! Отражение – это ведь фикция, обманка, а тот, кто отражается, – он существует реально, просто пока не знает о том, что существует...». Однако послушаем самого Лакана, который вовсе не уверен, что здесь достижимо полное соответствие между субъектом № 1 и № 2, равно как и в том, что речь вообще идет о «развитии» в общепринятом понимании.

Вот на чем я настаиваю в моей теории стадии зеркала: один лишь вид целостной формы человеческого тела дает субъекту воображаемое господство над его собственным телом – господство преждевременное по отношению к реальному овладению. Такое формирование¹ не

связано с самим процессом созревания и не совпадает с ним (курсив мой. – А. С.). Субъект предвосхищает завершение психологического развития, и предвосхищение это придаст свой стиль всякому позднему осуществлению действительного овладения двигательными функциями. Это и есть тот первичный опыт видения себя, где человек в отражении осознает себя иным, чем он есть (курсив мой. – А. С.), где закладывается основное человеческое измерение, структурирующее всю его фантазматическую жизнь².

Но важным пунктом здесь является то, что эта форма задолго до социальной определенности *располагает инстанцию эго на линии вымысла* (курсив мой. – А. С.), никогда не подлежащей изменению для отдельного индивида, – или, скорее, которая *лишь асимптотически воссоединится со становлением субъекта* (курсив мой. – А. С.), каким бы ни был успех диалектического синтеза, посредством которого он должен растворить в качестве я свое несоответствие своей собственной реальности³.

Из этих фрагментов, весьма показательных, но далеко не единственных, можно извлечь два важных следствия. Во-первых, «стадия зеркала» не представляет собой некий этап в развитии субъекта, а напротив, она *нарушает, искажает* «нормальный ход развития», предваряя некоторый процесс, который *еще не произошел, еще не случился*. Это внешне безобидное «предвосхищение» нарушает хронологическую последовательность, выворачивает наизнанку всю линейно-историческую перспективу: иначе говоря, состоялось *событие, опережающее естественный ход вещей*. Как это стало возможно? Не иначе как в счет будущего – подобно тому, как берут займы в надежде когда-нибудь вернуть долг. Если хотите, Человек берет свое «Эго» займы у Природы – у некоего внешнего объекта, с которым столкнулся. Но нет нигде свидетелей, что этот обещанный процесс все-таки затем состоялся – что счет, в конце концов, был оплачен, и человек овладел самим собой именно в такой степени, в какой это овладение воображал изначально (да и вообще – хоть в какой-то степени, ибо есть серьезная проблема с определением инстанции, которая сможет об этом судить). То есть даже на более поздних этапах между реальным-отраженным и отражением-образом нет соответствия! Есть только, как говорит Лакан, бесконечное приближение, перманентное усилие в форме диалектического синтеза, – и тем не менее в конечном счете субъекту никогда не удастся полностью инкорпорировать «собственное Эго». Искажение произошло на каком-то структурном уровне и по-

том оно уже не было исправлено, не могло быть исправлено, скорректировано – даже теоретически. Это искажение, деформация развития – уже судьба субъекта. Таким образом, напрасно было бы искать «стадию зеркала» в прошлом, как минувший этап нашей жизни, – это прошлое растянулось настолько, что оно накладывается на настоящее, становясь от него неотличимым, как нарост, генеалогический пласт, не дающий коснуться поверхности.

Таким образом, если искать, к чему относится «личность», которая «развивается-формируется» по версии возрастной психологии, то ответ будет не так уж очевиден: выходит, что нет такого момента, когда мы можем все-таки сказать, что да, от 6 до 18 месяцев в зеркале субъект увидел себя самого – нет полного совпадения отражения с отраженным, реального субъекта со своим образом. Между ними сохраняется дистанция – до самого конца, до смерти (кстати, опять же вопрос – *чья* эта смерть). Следовательно, «личность», если она представлена, развернута в индивидуально-биографической перспективе и свидетельствует о своем прошлом, как раз относится к этой фикции («располагает инстанцию эго на линии вымысла») – к «образу полной моторной координации», который присваивается субъектом № 1, он напяливает этот образ на себя, как чужой, неудобный свитер, не обращая внимания, что он ему не принадлежит и явно не по размеру. То есть изначально субъект № 1 *не является* этой «личностью» (не обладает формой «Эго») – он ею *становится*, да и то не до конца (присваивает форму «Эго»): отчуждает себя в субъекте № 2, достигает «воображаемого господства над собственным телом». Конечно, отражение – это фикция, обманка, здесь нечего спорить, – но именно эту фикцию он присваивает, признает *в качестве собственного «Я»*, а следовательно, «Я», которое утверждает, что оно «развивается», «формируется», претерпевает различные метаморфозы, – это субъект № 2. Да и как иначе, если у субъекта № 1 никакого «Я» нет и, если верить Лакану, по-настоящему никогда не будет.

И формула «возраст от 6 до 18 месяцев», которую мы механически повторили вслед за остальными толкователями, – это *квазиисторическая (ре)конструкция*, произведенная субъектом № 2 (субъектом, увиденным в зеркале, – обладающим «полной моторной координацией»), который задним числом подправляет, переписывает (а вернее сказать – «впервые создает») собственную историю: мол, «все это время с вами был я – только на раннем этапе, до 6 месяцев, я еще не мог отдать себе отчет в собственном существовании, а на более поздних этапах, когда научился узнавать себя в зеркале, как видите, смог». Однако именно «историчность», ин-

дивидуально-биографическое измерение произошедшего здесь вызывает большие сомнения: им может обладать только субъект № 2, который рассказывает нам эту историю, может как бы свидетельствовать от первого лица. Однако субъект № 1 лишен этой возможности – у него нет никакой «истории» и быть не может, потому что у него нет этого самого первого лица, нет «Я», и потому эта «история» и начинается с его *отчуждения, растворения, потери себя* в зеркальном образе. Условно говоря, рождение субъекта № 2 (так называемого нашего «Я») – следствие *утраты, «структурного аннулирования»* субъекта № 1 (тот, кто как бы принес себя в жертву, чтобы «Я» возникло). Поэтому такая (ре)конструкция может заслуживать только характеристики «квазиисторическая» – она призвана скрыть тот факт, что изначально в этой истории существует *незаполняемый пробел, зияющая дыра*, на сокрытие которой, собственно, «история» и работает.

Разумеется, речь не идет о том, что совершено какое-то некорректное действие со стороны «фальсификатора-узурпатора», субъекта № 2: напротив, отчуждение субъекта № 1 как раз предполагает, что эта *операция будет скрыта, удалена, стерта из памяти*, что будет раз за разом осуществляться реконструкция, введение события задним числом, будет обсуждаться во всех подробностях, мусолиться, становясь феноменом публичного обсуждения, бесконечного повтора, – иначе она теряет всякий смысл. То, что мы называем «психологией развития», – и есть проговаривание, пережевывание логически невозможного события, поддержание этой квазиисторической (ре)конструкции. «Стадия зеркала» как этап формирования личности – это не то, что произошло, а то, о чем постоянно рассказывают, чтобы поддерживать конфигурацию так называемой «нормальной» субъективности: «никакой фундаментальной утраты не было – субъект всегда один и тот же». Так что формула «возраст от 6 до 18 месяцев» относится только к субъекту № 2, в то время как субъект № 1 видит (хотя что мы можем об этом знать?) в зеркале нечто такое, что его настолько сильно поражает, что он уходит со сцены, отчуждается в его пользу, в результате чего и возникает эта формула.

Итак, если мы сведем концепцию «стадии зеркала» к той или иной разновидности «психологии развития», то вынуждены будем констатировать, что речь в ней идет как раз об *отражении, об образе, увиденном в зеркале*, поскольку только он может выполнять функцию «Я», – а представление о том, что некая «личность» формируется и проходит ряд этапов, прямо отсылает нас к последующему рассказу, к индивидуальной истории, которая происходит

уже *после того*, как мы «узнаем» в зеркале собственный образ (или, точнее, после того, как субъект № 1 отчуждается, растворяется в субъекте № 2, а тот уже рассказывает историю об «узнавании себя в зеркале»). Это именно образ, который мы «узнали», присвоили, приняли на себя, проходит ряд этапов, чтобы затем постфактум констатировать «стадию зеркала». Только *с точки зрения, из позиции* образа-отражения в зеркале, то есть – субъекта № 2, и можно зафиксировать «стадию зеркала» как имевшую место.

Итак, максимально упростим мысль: я начинаю узнавать *себя* в зеркале по истечении шести месяцев, как меня убеждают психологи, но *кого* я узнаю, если *меня* еще не существует? если «Я» возникну именно в результате отождествления *себя* с зеркальным образом? Понятно, что постфактум я реконструирую собственное тело как биологический, анатомический объект, который всегда уже был здесь, физически присутствовал, ожидал своего раскрытия (которым я еще не владею, отсутствует необходимая моторика, но предвосхищаю овладение им), но эта точка зрения складывается уже *в результате* операции отождествления с образом этого тела, – операции, как указывает Лакан, так и не завершенной до конца (отсутствует *объективная мера, нейтральная позиция* для сравнения тела как анатомического объекта и его зеркального образа – нет никаких свидетельств, что «в процессе развития» мы все-таки вышли за пределы образа и обнаружили тело там, где оно находилось изначально, а не продолжаем находиться в сетях воображаемого). Только из-за этого я могу сказать, что «узнал в этом образе себя» или «ребенок в период с 6 до 18 месяцев начинает узнавать в отражении себя», – но все это лишь *вывод, сделанный постфактум*, то есть высказывание человека, по идее, уже давно прошедшего «стадию зеркала». В тот момент, когда ребенок смотрит в зеркало, у него нет никакого «Я», он никого узнавать не в состоянии. И нельзя сказать, что это всего лишь оборот речи, я *себя* не узнаю, а просто заимствую образ у зеркального отражения, присваиваю его, – а *меня*, по сути, и нет. Это тоже не решает проблему, ибо тогда возникает другой вопрос: а *кто*, собственно, его присваивает, этот образ? Чтобы присвоить себе «Я», нужно это «Я» уже иметь, иначе не получится полного присвоения, а будет только, как Лакан и говорит, бесконечное приближение. Нет того, кто смотрит с зеркальной поверхности, – ибо он только *образ, «обманка»*, за неимением собственного бытия; как и нет того, кто этот образ присваивает, – он только *слепая, анонимная конструкция*, за неимением собственного «Я».

Как мы видим, вряд ли в этом состояло намерение самого Лакана – еще раз просто повторить, воспроизвести эту историю, рассказ

про рождение «Я» (который обязателен для современного публичного поля, одержимого идеей «становления», «развития»). С одной стороны, действительно Лакан развертывает свою мысль о «статии зеркала» именно в физиологической перспективе, постоянно ссылаясь на данные зоологии, гистологии, неврологии и т. д. – что вполне соответствует заявленной логике реконструкции. Но при этом он вводит в эту перспективу *неопределенность для наблюдателя*, которая как раз ставит под сомнение безупречность, «аутентичность» самого (реконструирующего) физиологического механизма: выстраивает оптическую схему с перевернутым букетом и старается донести мысль о различии между реальным и мнимым изображениями. Мнимое изображение – это образ в плоском зеркале, который мы воспринимаем именно как образ, располагаем его в пространстве воображаемого, миража, а реальное изображение – это образ в сферическом зеркале, вследствие определенных оптических эффектов встроенный, так сказать, «имплантированный» в реальность. Его не только сложно выделить из реальности, но он еще и придает «воображаемый распорядок» находящимся рядом с ним реальным объектам – по сути, эту реальность структурирует в соответствии со своей «человеческой формой».

Животное совмещает реальный объект с заложенным в нем самом образом. Более того, я сказал бы, как указано и в тексте Фрейда, что совпадение образа с реальным объектом упрочивает этот образ, дает ему воплощение. В этот момент через посредничество образа происходит запуск деятельности, направляющей субъекта к своему объекту.

Действует ли такой механизм у человека?

Как нам известно, в сексуальных проявлениях человека царит полный беспорядок. Здесь нигде нет слаженности. Идет ли речь о неврозах, перверсиях – тот образ, от которого мы, аналитики, пляшем, представлен своего рода *раздробленностью, расщепленностью, отрывочностью, разлаженностью, несоответствием* (курсив мой. – А. С.). Тут происходит как бы *игра в прятки⁴ между образом и его нормальным объектом* (курсив мой. – А. С.)⁵.

Животное может пленяться даже мнимым изображением, потому что у него образ и объект совпадают: речь только о том, чтобы объект соответствовал образу, был его зеркальным отражением (как реальный, перевернутый букет цветов и воображаемый, улавливаемый наблюдателем над горлышком вазы). В том-то и дело, что в отличие от животного, которое целиком поглощено средой, захвачено очаровывающим образом, у человека никогда не про-

исходит «полного совпадения реального и воображаемого»: из-за структурного искажения его развития, каковым, собственно, и является стадия зеркала, он не инвестирует (в смысле «либидального инвестирования») свой образ в некий объект, но наоборот, он *перенимает образ от объекта, чтобы сделать этот образ «своим»*, – а потому и испытывает сложности с дальнейшим определением и захватом объекта своего желания. Желать – значит возвращать свой образ обратно, в Природу, туда, откуда как бы взял его взаймы, – то есть лишиться собственного «Я», исчезнуть, погибнуть, умереть. Поэтому Другой, как говорит Лакан, является ему в образе гегелевского абсолютного господина, смерти. Это то, о чем животное и не подозревает: о «переходности индивида по отношению к виду», о том, что в момент любви оно находит свою смерть. Человек же это «знает и испытывает»: он как никто другой видит изнанку очаровывающего образа – ту цену, которую он платит за овладение им.

Если отсутствует совпадение реального и воображаемого, объекта и образа (образ формируется раньше, чем объект появляется), то это потому, что у нас просто отсутствует перспектива, в рамках которой мы могли бы утверждать (или опровергнуть), что субъект № 1 (отраженный) и субъект № 2 (отражение) – один и тот же. То, о чем и шла речь выше. «Игра в прятки» между образом и его объектом, о которой говорит Лакан, вызвана невозможностью полностью объект апроприировать (ибо он несет смертельную угрозу для желающего субъекта), – отсюда «раздробленность, расщепленность, отрывочность...», характеризующие человеческое желание (если только речь не о «влюбленности», фрейдовском *Verliebtheit* – тогда образ и объект совпадают и влечение становится смертельным, – Лакан приводит в пример Вертера, впервые увидевшего Лотту с ребенком на руках). Лакан пытается объяснить, предупредить, но его возможностей явно не хватает: его речь воспринимается в той же перспективе «психологии развития», то есть в поле публичного обсуждения, где господствует политкорректная «коммуникативность» и происходит редукция всех проблем к признанию Другого, просто не опознается тот факт, что Лакан говорит *о чем-то еще*. Пусть даже мэтр прямым текстом объявляет эксплуатацию человека человеком фундаментальной и неустраняемой – все равно найдутся те, кто впишут его наследие в гуманистическую перспективу признания Другого.

А между тем дело вовсе не в том, чтобы в очередной раз надеть Другого некими «правами», раз наше «Я» имеет иллюзорный характер и заимствует свое существование у Другого. Скорее речь о том, что в устройстве «стадии зеркала» иллюзия, мираж (так назы-

ваемое Воображаемое) выполняет *определенную функцию*, чтобы могло состояться то, что мы называем «реальной действительностью» (не путать с лакановским «Реальным»). Я вижу только «перевернутое», «инвертированное» пространство – из точки наблюдения, расположенной как бы «*внутри*» зеркала, то есть смотрю *изнутри иллюзии-миража*, зеркального образа собственного тела. Изначально я не осознаю (предположительно увиденный) образ в зеркале как отделенный от меня в пространстве объект, потому что меня еще нет – нет оппозиции внутреннее/внешнее. И только приняв точку зрения образа (читай – точку зрения иллюзии-миража), я начинаю открывать для себя мир: появляется указанная оппозиция – пространство как таковое, непреодолимая бесконечная дистанция между отраженным и отражением. Фикция, образ, «обманка» – структурно необходимы для создания пространства: иначе было бы сплошное «хаотическое наслоение Реального»: иллюзия встроена в «реальность» (реальное изображение, опыт с перевернутым букетом, помимо всего прочего, иллюстрирует и это) – это как раз то «внутреннее», что противопоставлено «внешнему». Если животное – это реальный букет, а объект его влечения – воображаемый, то у человека все обстоит ровным счетом наоборот: он сам в качестве «собственного Эго» – воображаемая структура, в то время как объект его влечения (Другой, абсолютный господин) – это единственная несомненная реальность, не требующая никакой опоры для своего существования.

Таким образом, отказываясь от картезианского хода мысли, признавая «отчужденный» характер Эго, Лакан открывает ящик Пандоры: он множит вслед за собой толкования, которые при всей своей добросовестности, интеллектуальной честности все-таки искажают его мысль. А потому, что просто не могут не исказить – ведь они уже заключены в ловушку «отчужденного, децентрированного Эго», раздвоенного мышления, где нет нейтральной точки, регулирующей инстанции (наподобие фихтеанского «абсолютного Я»), откуда было бы видна ясно и четко демаркационная линия – «вот Я, а вот не-Я». Здесь есть «Я», которое является результатом отчуждения, а следовательно, уже не-Я, и есть не-Я, которое представляет собой безымянный «носитель», что-то наподобие анонимного ядра «настоящего Я». Потому-то затем в человеческой вселенной объект влечения и его образ вступают в напряженные, амбивалентные отношения – играют в прятки, избегая прямой встречи, которая несет для субъекта смерть. Таким образом, согласившись рассуждать о стадии зеркала, интерпретаторы Лакана попадают в сферу настоящего онтологического парадокса, откуда не так просто вырваться:

каждый их шаг, каждый ход мысли, исходящий от Лакана, *неминуемо раздваивается*, и снова и снова возникает вопрос: о чем речь – об отражении или отраженном? Синтез ведь так и остался незаконченным – дистанция между ними не устранена... Это лишний раз говорит о том, что повторять за Лаканом – опасно: его речь совсем не подходит для того, чтобы превращаться в отрасль академического знания или набор формулировок, которые можно заучить и транслировать без всяких смысловых потерь.

Мысль в рамках психологии развития неизбежно будет стремиться к воссозданию этого (предположительно ценного) опыта «стадии зеркала», чтобы пережить его заново и, возможно, исправить какие-то деформации, которые произошли в свое время и исказили нормальное развитие субъекта. В то время как скорее следует понимать самого человеческого субъекта как непредвиденную деформацию развития, наложение разных темпоральных планов, если угодно, «временную петлю» (как в фантастических фильмах о путешествиях во времени: когда герою самому приходится совершать в прошлом то, что имело место в будущем, откуда он прилетел, чтобы оно в этом будущем появилось), – как раз вследствие *отсутствия у него подобного опыта, принципиальной невозможности прочесть, реконструировать собственное прошлое*. Написание статей, научных работ на данную тему – именно что попытка сделать этот опыт «своим», произвести невозможный диалектический синтез, который зафиксировал бы совпадение субъекта № 1 и субъекта № 2, индивида и его зеркальный образ. Поддержать саму «человеческую форму» – повторять как заклинание, что этот образ и есть Я, что «когда-то давно я проходил “стадию зеркала”, потому что я – человек, как и другие...». При этом вторжение «психологии развития» не является недоразумением, а вполне естественно и объяснимо – именно с точки зрения Лакана: оно отражает следующий логический ход, сделанный в тот момент, когда он усложняет свой опыт с перевернутым букетом.

То, что существующий субъект видит в зеркале, представляет собой изображение *либо четкое, либо фрагментарное, неустойчивое, неполное* (курсив мой. – А. С.). Это зависит от *его положения* (курсив мой. – А. С.) по отношению к реальному изображению. Находясь слишком в стороне, он будет видеть плохо. Все зависит от конкретного угла падения луча на зеркало. Лишь находясь в конусе, можно увидеть четкое изображение.

<...>

Теперь предположим, что наклон плоского зеркала подчиняется голосу другого. Такой зависимости не существует на уровне стадии

зеркала, но она осуществляется позднее всей совокупностью нашего отношения к другому – речь идет о символическом отношении.

<...>

Другими словами, именно символическое отношение определяет положение субъекта в качестве видящего. Именно слово, символическая функция, определяет *большую или меньшую степень совершенства, полноты, приблизительности воображаемого* (курсив мой. – А. С.)⁶.

Иначе говоря, под видом «психологии развития» мы имеем здесь дело с *самим регистром символического*, который латает дыру – фундаментальную утрату, нехватку. И это не простое отсутствие «налично сущего», как сказал бы Хайдеггер, а *нехватка смысла, понимания* – насколько то, что я вижу в зеркале, соответствует тому, что оно отражает, каковы подлинные отношения между «Я» и я, образом и самим индивидом. Как мы уже знаем, ответа на этот вопрос нет – но зато есть *снятие этого вопроса, его сокрытие*, раз за разом возобновляемое в поле научных и публичных дискуссий. Там, где отсутствует эмпирический опыт «стадии зеркала» (ибо он структурно невозможен), располагается *символ* – буквально символ фундаментальной нехватки. И только так происходит корректировка, настройка воображаемого – через речь (т. е. через функционирование регистра символического) вводится хронологическое, индивидуально-историческое измерение, выравнивается «темпоральная кривая»: «стадия зеркала» становится имевшей место *в прошлом*. Символическое регулирует область воображаемого, управляя «наклоном зеркала» и тем самым осуществляя (ре)конструкцию невозможного события.

Собственно, постоянное говорение о самом Лакане – это тоже эффект символического (как и данная статья – которая не является каким-то «метатеоретическим» исключением). В этом и состоит настоящая проблема: его имя, имя «Лакан», не дает никакого алиби – за ним не спрятаться для того, чтобы что-то заявить, – расширить, уточнить, дополнить, интерпретировать исходный лакановский текст. Ты действуешь на свой страх и риск, но не знаешь об этом. Там, где ты хотел что-либо сказать о Лакане, ничего нет, никакого уникального «теоретического содержания», которым можно прикрыться, как щитом, в публичном поле: все лакановские конструкции устроены так (и в этом скорее их достоинство, чем недостаток), что создают больше проблем, чем предлагают решений. А все потому, что здесь «режимная» территория, зона действия

неразрешимого онтологического парадокса: «о чем ты говоришь (если уж начал говорить) – об отражении или об отраженном?»... Но, возможно, ясное и четкое осознание своей ситуации – это уже не так мало.

Примечания

- ¹ В используемом переводе отсутствует следующая ремарка: «неважно, идет ли речь о его собственном образе или об образе кого-нибудь из ему подобных» (“qu’il s’agisse d’ailleurs de son image propre ou d’une image qui lui est donnée par quelqu’un de ses semblables”). *Lacan J. Séminaire I: Les écrits techniques de Freud 1953–1954 // ÉCOLE LACANIENNE DE PSYCHANALYSE.* [Электронный ресурс] URL: <http://ecole-lacanienne.net/wp-content/uploads/2016/04/1954.02.24.pdf> (дата обращения: 17.12.2016).
- ² *Лакан Ж.* Семинары. Кн. I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / Пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). М.: Гнозис: Логос, 1998. С. 108. В цитируемом отрывке не совсем понятно использование словосочетания «завершение *психологического* развития». Французское слово «*physiologiquement*» во фразе «le sujet, en tant que sujet, anticipe sur cette maîtrise *physiologique*» (курсив мой – А. С.) *achevée*» (*Lacan J.* Op. cit.) сложно трактовать как-то иначе, чем относящееся именно к *физиологии*.
- ³ *Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию «Я». [Электронный ресурс] URL: <http://psychic.ru/articles/modern/modern64.htm> (дата обращения: 14.05.2016).
- ⁴ В русском переводе здесь опущен синоним к «игре в прятки» («*jeu de cache-cache*») – «игра в не-совпадение» («*jeu de non-coïncidence*»). *Lacan J. Séminaire I: Les écrits techniques de Freud 1953–1954.* [Электронный ресурс] URL: <http://ecole-lacanienne.net/wp-content/uploads/2016/04/1954.03.31.pdf> (дата обращения: 17.12.2016).
- ⁵ *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 1. С. 185–186.
- ⁶ Там же. С. 188–189.